

Александр
КОЗИН

г. Электросталь

РИСУНОК

рассказ

*Памяти отца,
Владимира Александровича Козина*

Резко отброшенная, заляпанная, захватанная, в синих подтёках длинная кисть полетела в траву и встала торчком, испуганно выглядывая из-за стеблей. Рядом грузно шлёпнулся планшет с припиленным искляксанным альбомным листом. А сам рисовальщик, взъерошенный курносый молодой человек с упрямым взглядом, порывисто вскочил, метнулся взад-вперёд вдоль железнодорожной насыпи и вдруг осел мешком наземь, тяжело опустив голову и схватив себя за каштановые вихры. Серая рубашка, обтянувшая спину, темнела меж торчащими лопатками мокрым пятном. Невнятно сквозь сжатые зубы раздалось что-то негодующе-энергичное.

Угораздило ж его родиться таким недотёпой — за что ни возьмись, всё через пень-колоду. Ну зачем, почему втемяшилось ему рисовать эту церковь? Последнюю неделю только и думал о точке наблюдения, перспективе, ракурсе... Исходил все окрестности, откуда только видна была нарядная, стрелой вытянутая вверх колокольня. И ещё раз убедился, что лучшего места, чем это, не найти. Церковь отсюда открывалась внезапно — в распадке меж двух холмов, и неброско, несуетливо она царствовала над этим зелёно-голубым прильем, будто сама выросла здесь из земли.

Хромов не помнил, когда захватила его эта идея. Похоже, она родилась вместе с ним, жила в нём неявно, а проснулась вдруг — и захватила, околдовала, подожгла. Он и не пытался даже докопаться до причин её. Надо. Должен. И всё. Через не хочу. Через не умею. Как солдат. Ему тоже никто ничего не объясняет и мнения не спрашивает. Выполняй — и точка.

Когда эта идея завладела Хромовым окончательно, он даже во снах видел себя стоящим на ступени огромной гранитной лестницы. Хотел шагнуть выше, уже ногу заносил, но остановившись в нерешительности, колебался, отступал вниз и... просыпался.

Володин письменный стол был завален альбомами, выдранными из них листами в грязно-радужных пятнах и каракулях. Ох, эти чёртовы краски! А кисти! Сколько было возни с ними, проклятыми! Сколько карманных денег скоплено и истрачено впустую, пока не подобрались наконец три-четыре, подходящих по жёсткости и точности.

А её, точность эту, следовало ещё и отработать. Володя глядел из окна и, стискивая зубы до хруста, боясь отереть со лба затекающий в глаза пот, старался повторить выбранной наконец-то кисточкой изгиб берега реки, неуклюже, нетвёрдыми мазками, «строил» на листе торчащую за рекой фабричную трубу, будто та сложена из плохого кирпича. В эти минуты задуманное казалось Хромову непосильным монашеским подвигом, требующим полного самоотречения.

И вот наступил этот день. Наступил, когда невоготу уже было тянуть, откладывая, выжидать. Жестоко разбуженный поставленным в жестяной таз будильником, Володя наскоро сгрёб краски, кисти, альбом и небрежно выпиленный фанерный планшет в нитяную хозяйственную котомку, во дворе щедро умылся, гремя рукомойником, и, наскоро подкрепившись крутым яйцом и сладким чаем, зашагал берегом реки сквозь лёгкую дымку раннего утра.

Половина шестого. Пространная улыбка бродила по сонному ещё лицу, моргали мутноватые глаза, а на левой щеке розовел рубец от подушки. И всё же Володя волновался. Чувство это было сродни мандражу перед экзаменом, но гораздо сильнее и — странно! — слаще. Аж сердце заходило и дыхание частило, стоило лишь подумать, куда он идёт и что сейчас будет делать. Он, Володька Хромов, середняк и бездарь...

Было около семи часов, когда Володя пришагал на облюбованное место под железнодорожной насыпью. Здесь стоял влажный холодок. В лощине меж холмов ещё слоился над травами лёгкий туман. Но солнце уже поднялось над дальней, еле видной грядой леса, не било в глаза, а ласкало, обогревало продрогшую за ночь землю. Дымка исчезала, всё перед глазами наливалось солнечным светом, тяжелели и нап-

рягались тени; пейзаж с игрушечной церковкой в лощине и необозримыми полями вдали будто сам рисовался красками, набирающими сочность на глазах. Жаль, не на бумаге...

Свет ещё не окреп, солнце только лишь просыпалось, улыбалось рассеяннo, пробовало свою нарастающую живительную силу. Не ожил ещё пейзаж: он тоже просыпался, стряхивал ночную муть, обретал глубину и чёткость. Часа через два он проснётся окончательно, высветится, отточит тени, станет броским и ярким. Вот тут-то и хватай его, пиши, запечатлевай. А ещё через два часа солнце поднимется, сожмутся тени, и всё станет плоским, расплывчатым, неинтересным. Уйдёт свет. Вообще-то, света станет больше, но самый нужный уйдёт. Надо торопиться.

Володя вздохнул, разложил на подстеленной котомке краски, кисти, прикнопил к планшету альбомный листок и медленно опустил на траву. Чуть не вскрикнул, ощутив задом холодящую сырость. Роса! И думать-то о ней забыл! Что ж, терпи, художник...

В шею и спину, в открытые повыше носков голени больно и зудливо вонзались комары. Морщась и подёргиваясь, старательно высунув кончик языка, Володя принялся размечать будущий рисунок. Первая плавная кривая жёсткого, еле видного грифеля обозначила поверхность левого холма. Вторая, так же мягко изогнувшись, ласково и послушно легла справа. В этих неясных, но тёплых и манящих изгибах мнилось что-то запретное, подсмотренное, сокровенное, и то ли от этого, то ли от масштаба почти неодолимой задачи у Володи то и дело частило сердце и заходило дыхание. Кто он такой, чтобы уподобляться великим? Созерцать и священнодействовать, как они? Видеть и чувствовать то же, что они? Да как у этого бездарного наглеца глаза и руки поднимаются?!

Володя смущённо фыркнул, стряхивал комаров, и правая рука с карандашом возвращалась к листу. Она парила, зависала, пританцовывала над ним, чуть подрагивая, и виделись уже бледные условные линии второго и третьего планов, поле, перелесок с выглядывающими из-за тяжёлых берёзовых крон шиферными

крышами, зубчатая стена дальнего леса, так похожая на мамину гребёнку... Даже небо — и то было странно расплосовано: облака Володя хотел обозначить цветовым перепадом. Лишь на месте церкви белела пустота. Никак не решался он вписать сюда условный вытянутый треугольник. Было почему-то страшно. Казалось, сделай он это — и всё нарушится. Так и осталось меж бледных карандашных линий броское белое пятно.

Он перевёл дух, отмахнулся от назойливых зудящих кровопийц, отложил в сторону планшет и, опасливо осмотревшись, растянулся на траве, закинув руки за голову. Надо было настроиться на самое трудное и тонкое, поймать в себе нужное равновесие. Белое, чуть спрыснутое синькой небо так и тянуло вверх, манило и растворяло в себе, расслабляя взор и тело. Высоко-высоко, где-то над дальними полями и лесом, уже раскидывались похожие на лебединые крылья облака. Ну, хватит. Хватит. Надо продолжать!

Володя резко, как разжатая пружина, вскинулся и сел. Яростно зевнул, встряхнулся. Налил в жестянку воды, набранной по дороге на колонке, и толстой кистью принялся густо кляксовать по картонной палитре. Картонка была жёлто-серая, и это был явный просчёт, который поздно заметил Володя. Подобранный, созданный на ней цвет выглядел на белом альбомном листе совсем иначе, он шёл вразрез со светом. Его — именно такого — просто не могло быть. Хлорофиллово-зелёный, исконный травяной цвет, сложенный из трёх разных красок, на белом листе выглядел легкомысленно-салатовым с непрошеной примесью оливкового. Такая трава могла расти разве что на какой-нибудь Альфе Центавра, но никак не на Земле. Скрипя зубами и ноюще мыча, Володя вырвал из альбома ещё листок и, повернув его к солнцу, принялся наносить мазки. Как деления на шкале. Первый — почти прозрачный, а дальше — сочнее, темнее, гуще. Он придиричливо оценивал их, держа лист то на отлёте, то приближая, то заглядывая сбоку. И даже сгущённый донельзя этот цвет был бледен, как молодая огуречная ботва. Чёрт, просчитался, кажется... Ладно. Поиграем пока с небом, а

там видно будет. Синий цвет, он как-то проще. Бесспорней, что ли...

Тонкая жёсткая кисточка ловко сметала со стремительно голубеющего неба мёртвую бумажную белизну. Володя, отпустив схваченный зубами кончик языка, чуть вздохнул и улыбнулся. Даже ему понравился этот полный, объёмный, чистый, прозрачный цвет. Он, правда, не очень соответствовал настоящему — бледному пока и худосочному — небу, но был уж очень хорош, даже в ущерб правде. Он подхватывал, захлёстывал, растворял в себе. Даже комары забылись. Одного бедолагу Володя случайно раздавил, наспех вытирая вспотевший лоб. Остался на запястье бесформенный красный мазок. Первая кровь...

Радостно и светло, просторно было в груди. И он уже летел. Над холмами. Над колокольней, над дальним полем и перелеском, и земля внизу будто дышала: вздымалась напитанной солнцем травой и опадала тусклыми бесформенными пятнами теней от облаков. Облака были малы и разбросаны, но именно они давали ощущение огромного плотного простора, на воздухе которого можно было лежать, раскинув руки, как крылья. Они были выпуклы, бугристы, будто мускулы неба. Рука с кистью дрогнула и зависла вдруг над любовно нанесённой глянцево-синью. Стой, Хромов! Так всё заперешь! Припечатаете небо этой распрекрасной синевой, и будет оно у тебя плоское... Вот те, бабушка, и опять тупик. Что же делать-то?

Что делать? Да всё то же. Краску мешать. Терпеливо, беззаветно и жертвенно мешать краску. Это благословенное занятие поглощало большую часть творческого времени даже величайших живописцев. Но у него-то времени нет. Два-три часа — и всё. Пропал вид. Память и фантазия не очень-то здесь помогут. И запыхтел, засопел Хромов над палитрой и пластмассовыми баночками. Уже третий — мрачно измазанный и искляксанный лист валялся у ног, уже пестрели зелёно-голубыми пятнами брюки и рубашка, уже сто двадцать пятый раз одержимо сверкающими сумасшедшими глазами он проглядывал на солнечный свет разной густоты ярко-голубые мазки, но всё это было не то. Не вязалось. Не гармони-

ровал цвет, чужеродным казался. Переборщил, эх, переборщил Володя со своей небесной синевой, от красоты, дурак, шёл, от головы своей, а не от неба. Вот и не попасть теперь... Сокрушаясь, он мазнул-таки бледно-голубой краской по подсохшей сочной небесной синеве. Скривился и крикнул тошнотно. Не могли в небе сочетаться такие цвета. Никак не могли... Тут-то и полетели в траву кисть и планшет. Зашлось обиженно дыхание, и ноги сами подняли и понесли его прочь отсюда. Насилу удержался. От себя-то не уйдёшь.

Положеньице, однако, — уж и отступить некуда. Ни тут, ни там, на рисунке. Не выходят ни небо, ни земля. А может, и начинать с церкви надо было, дурак? Она здесь главная. Доминанта, если по-учёному. Будет она, а остальное впишется, выстроится, за неё зацепившись? И тут же гневно затряс головой. Нет. Нет и нет. Эти холмы, небо, поле, лес вдали — всё это было и раньше, ещё до церкви. Это её вписали, встроили сюда двести лет назад истинно талантливые люди, не тебе чета. Нет. Ты на верном пути, Хромов. На верном, хоть и трудном. Хромай дальше...

Так! А это что такое? Вон брошенная кисточка из-за одуванчика торчит. А сам-то одуванчик... Он же жёлтым быть должен, а сам зелёный наполовину... Да как сочно! Так это же... Это ж кисточка по нему мазнула, и он с перепугу, наверно, позеленел, причем именно той нежной воздушной зеленью, которой следовало окрасить южный, освещённый холм, — той самой, над которой так отчаянно и безуспешно бился Володя.

Крепко и больно взяв себя за волосы на темени, Хромов зажмурился и пролепетал побледневшими губами что-то невразумительное. Вот оно. Вот они, чудеса, начинаются! То ли ещё будет... Что будет ещё — этого Володя не мог представить. Но понимал, что будет обязательно. Не может не быть. И поспешно, лихорадочно, с нервной дрожью рук, будто навёрстывая упущенное, принялся за прежнее — святое! — дело. Поначалу на палитру легло густое пятно жёлтой краски. Его чуть оживила капля красной: будто зажгла, осветила оран-

жево. А затем по капле с кончика кисти в этот жаркий одуванчик вживлялась «тёмно-голубая небесная хромовская». Володя разделил палитру на две зоны подбора — для света и тени. И с каждой каплей добавляемой краски наносил пробные мазки на белый лист, придирчиво оглядывая его под разными углами. И вдруг замер, как хищник перед броском, двинул по-боксёрски плечами, схватил чистую кисточку, дотянулся и поднял брошенный планшет. Чуть перевёл дух и короткими, как учащённый пульс, мазками стал «растить» на южном, освещённом холме нежно-зелёную сочную траву. Неясное наитие подсказывало ему силу нажима, и, к новому своему удивлению, он увидел, что из-под кисти выходит именно трава, а не покрашенное зелёную пространство. Верхняя кромка пушилась, ерошилась, острилась. Снова чудо? Нет... Это настроение такое. Доброе, смиренное и вдохновенное. Так иконописцы, наверно, творили. Вот и сотворяется. Вершится...

Улыбнулся Володя осторожно и светло, перевёл дух. Так. Теперь другой холм. Северный. Он затенён. Краску сгустить, притемнить, потушить. И опять заворочалась на палитре, закружила в кособокую присядку толстая, лоснящаяся, густо обтекающая кисть-мешалка. Вот он, цвет! Тёмная чащобная зелень. Чуть разбавить его для перехода от тени к свету, для той ложбинки меж холмами... Ага, там же ещё и тропинка еле видная бежит. Не упустить бы её...

Мазки один за другим послушно ложились на бумагу. Всё меньше и меньше оставалось на листе его первородной белизны. Потому что нет такого цвета в природе. Даже вон та даль, где воздух дрожит, будет такой же сероватой, туманистой, полупризрачной. Вернее, должна быть. А будет ли?

Сжав губы, Володя фанатично вырисовывал тропинку, еле видную в траве, словно песком чуть просыпанную. Он понял, почему она так важна. Ею открывался второй план — тот, что за церковью, в полях, у леса. Жаль, что он будет лишь обозначен: это всё же рисунок, а не картина, нельзя же объять необъятное... Да и не под силу ему, тут бы с простейшими вещами справиться! А в спину, в шею, в стриженный

затылок вонзались уже толстые жужжащие иглы. Не комары. Слепни и оводы, коровья смерть. Он лишь мучительно вздрагивал с каждым укусом, поводил лопатками, встряхивал головой, но боялся даже на миг отвлечься, оторвать кисть от листа. Идёт ведь дело... Идёт! А вдруг прервётся раньше времени эта неведомая чудесная связь, отупеет рука, обесцветится всё вокруг и сплющится, станет обыкновенным и неинтересным? Нет! Ради этого просветления, озарения стоит вытерпеть и не такое. Само это состояние — голова светлая, руки лёгки и точны, глаза видят будто сквозь предметы, безошибочно улавливая их цвет, объём и живые формы, — ощущение своего тихого, но почти волшебного могущества было очень ново для Володи. Оно пьянило, ошеломляло, распирало — так, если бы он вдруг обнаружил, что умеет летать.

А на рисунке расстился, раскрывался, разматывался уже второй план. Он, конечно, был бледен, расплывчат в сравнении с этими холмами и тропинкой в ложбине, но давал пейзажу размах, простор, дыхание. Как лёгкие у человека — и не замечаешь, как расправляются они, наполняются, жизнь тебе дают. И, лишь справившись с тёмной гребёнкой леса на горизонте, Володя счёл возможным передохнуть. Вернее, чуть замедлиться, полениться, похлопать зловредных кровососов. Солнце поднялось. Горел уже напечённый им загривок. И с насыпи железной дороги крепко тянуло креозотом: разогрелись шпалы, разнежались... Он сладко зажмурился, потянулся и зевнул. Но вдруг...

— А можно я слепней от вас отгонять буду? — раздался из-за плеча слабый несмелый высокий голосок. — А то вон спину и шею-то как накусили... Больно, небось?

Он вздрогнул и мучительно, нехотя обернулся. И оторопел. Глаза... Господи, вот оно! Вот он, этот цвет!

— Ты... Откуда ты... такая? — только и выдавил, промаргиваясь.

— Я? Здешняя. Вон, из деревни, — пожалала загорелыми плечиками под узкими бретельками выгоревшего цветастого сарафана девчонка.

Маленькая, лет десяти, не больше. Росточком едва до груди ему, но крепкая, в кости ши-

рокая. Сарафанчик-то короток уже, да и тесен, ноги длинные, накусанные, в крапивных волдырях. Сандалии мокрые, в песке, в травинках и пыльце. Стоит, тянется, через плечо ему силится заглянуть: что он там рисует? И глаза всё шире и шире распахивает. Серо-голубые, при- темнённые, глубокие. Вот оно, главное чудо. А всё прочее обыкновенно. Невыразительные светло-русые волосы, забранные в хвостик чёрной резинкой. Острый любопытный нос. Мелкие веснушки на тонкокожих щеках вокруг тонких упрямых губ. Неинтересно... Глаза. Ох, какие у неё глаза! Встреть он её по дороге сюда, разве стал бы он так вдохновенно малевать небо своей никуда не годной краской?!

— Ну, чего вы? — улыбнулась она. — Не видали никогда? — и покрутилась манерно.

Врождённое это у них, что ли?..

— Не видал. Стой как стоишь. Ну-ка... Глазами поведи. Ага. А теперь туда... Стоп. Ум-нич-ка, — выговорил по слогам Володя, лихорадочно оглядывая свои краски. — А я — дурак. Дурак... — и беспомощно развёл руками.

— Не сумеете меня нарисовать? — чуть склонила она голову.

— Ну, тебя-то нарисовать не фокус, — усмехнулся он. — Небо вот у меня не выходит. Так-то, сестричка... — и вздохнул виновато.

Хоть ей пожаловаться — может, посочувствует.

— А можно... посмотреть? — еле слышно, замирая голосом, спросила она и испуганно прикрыла рот ладошкой.

Осторожно, как святыню, взяла планшет с рисунком из Володиных рук. Хромов с удивлением отметил, как взволнованно подрагивают её цепкие, в мелких царапинках, пальцы.

— Красиво... Трава как живая. Так и потрогала бы... — и опасливо поглядела на Володю. Тот умоляюще покрутил головой. — А небо... — и резко пожалала плечами. — Вполне себе ничего, по-моему.

— Это по-твоему. Небо тоже должно быть живым. Вот как глаза твои. Таким же, — осторожно улыбнулся Володя и взял у неё планшет. — Тут-то и загвоздка...

— Совсем таким же? Серо-голубым? — взмахнула она выгоревшими ресничками.

— Лазурным, — строго поправил Володя, не выдержал и рассмеялся.

Осёкся опасливо: не обидеть бы. Но нет. Не обиделась. Оглядела его задумчиво и пытливо, глаза к небу вскинула, чуть постояла, упрямо закусив нижнюю губу.

— Вы долго тут ещё будете? — прямо и резко взглянула она на него. — Часа два? У меня дома акварелька есть. Как раз такая. Я сбегая, а? Вдруг получится?

— Ну, давай... Попробуем, — с сомнением покачал головой Володя.

— Только вы не уходите, ладно? Я быстро! — и легко сорвалась с места, как пушинка, сдутая ветром.

Только пряжки на сандалиях тоненько прозвенели и затихли вдали, меж холмов. Бежала она длинными прыжками с резкими, мальчишескими отмашками рук. Короткий сарафанчик развеялся и парашютировал, делая её похожей на балерину в замысловатом стремительном танце. Хромов долго глядел ей вслед, покачал головой и прыснул. Смешная. Сама как акварелька... Пусть так и будет — Акварелька. Всё ещё улыбаясь, светло и как-то стеснительно, Володя поднялся и пристально, из-под ладони, оглядел окрестности. Свет не уходил. Напротив, стал контрастнее, выпуклее, как бывает на сильно диафрагмированном фотоснимке. Это тревожило. Огляделся — так и есть, туча. Холодная, мрачная синева. Вот бы где кстати пришёлся его фирменный небесный цвет! Чуть подгустить, притемнить его — и лучше не придумаешь. Лишь бы пронесло. Бывает же, пронесит. Да и далеко она — лишь уголок виден из-за горизонта, как у огромной поставленной торчком подушки. Ох, не надо бы сейчас дождя! Он всё, решительно всё испортит.

Досадливо ухнув, Володя придиричиво осмотрел рисунок. Нет. Пока небо не исправит, нечего думать о церкви. Неверный фон может запутать, обмануть в цветоподборе, и возись тогда... Ладно. Подождём главного чуда. О, да вон оно поспешает, руками над головой размахивает, на кочках оступается, того и гляди шлёпнется.

— Ой, запалилась... — прерывисто выдохнула, подбегая, Акварелька. — Все ноги искрапи-

вила, горят. Вот! — протянула она ему руку, разжимая кулачок. На ладошке лежал светло-синий брикетик акварельной краски. Он крошился и пачкался. Благодарно кивнув, Хромов взял его и придиричиво поглядел на свет. Вырвал лист из альбома, схватил только что тщательно отмытую кисть, размочил краску, наклеял несколько пятен разной густоты и всё равно остался недоволен. Это было близко, это было похоже, но всё равно не то.

— Садись рядом, — скомандовал он через плечо, не оборачиваясь. Акварелька мигом вывернулась из-за его спины и опустилась на траву, не своя своих зачарованных лазурных глаз с рисунка.

— На! — и сунул ей планшет, открепив свой листок. — Вот палитра. Вот кисть. Вот вода. Вот краска твоя. Размачивай и мешай. Воды поменьше, краски побольше. Поняла? Работай.

— Я?! — изумлённо вскинула брови девчонка, дрогнула губами, судорожно вцепилась в планшет, подвернула ноги по-турецки и примостила его меж торчащих в разные стороны исцарапанных колен. — Ага... Я сейчас... Я сделаю... Я... — и аж задохнулась.

— Валяй, — рассмеялся Володя.

Пусть... Пусть поучаствует. Надо ж её хоть так поблагодарить, не зря же бегала... А ему надо что-то придумывать. И срочно. Теперь отступать и вовсе немислимо. Встал и, сосредоточенно хмурясь, медленно пошёл по тропке вдоль насыпи. Вывернулся из-за поворота, старательно бухтя, тепловоз с десятком грузовых вагонов. Залязгали, замелькали колёса, мягко и могуче запружинили под ними рельсы. И ударило по глазам чередой синих вспышек солнечное небо с напозающей тучей там, по ту сторону насыпи. Поезд прошёл, а Володя, ослеплённый, стоял, промаргивался и чувствовал себя на пороге какой-то важной, спасительной догадки. Она была. Была только что, но не успела сложиться, вспыхнуть, озарить... Вздохнул Хромов, потёр в замешательстве лоб, махнул рукой и повернулся было возвращаться. Но вдруг застыл. По тропинке, высоко и бережно держа над самой головой планшетку с листом, бежала к нему Акварелька. Бесшумно, вытянувшись, на цыпочках.

Только пряжки на сандалиях звенят тоненько.

— Ну? — шагнул он к ней. — Ты чего?

— Я... — выдохнула Акварелька и запнулась. — Я... Вот! — и протянула ему планшет. Володя вздрогнул. На нём была не палитра, а сам рисунок, аккуратно закреплённый двумя кнопками. Хромов обречённо зажмурился, ожидая увидеть непоправимые разрушения, но всё было цело. И холмы. И тропинка. И полевая даль. И, конечно, холодное, космическое небо... Но что это?! Пятнышко в самом верхнем уголке. Пятнышко того самого живого тёплого неба, которое виделось уже Володе, чувствовалось им только что, пока шёл поезд, но вдруг у него оборвалось что-то внутри — и забылось оно.

— Ты... — точно так же запнулся Володя. — Ты... Как?

— А я... — шумно сглотнув и часто дыша, залепетала Акварелька. — Я поглядеть хотела... Поближе. Вот листок ваш приколола... И загляделась... Чудно так! Будто я и здесь, и там. Аж голова закружилась! А потом взяла кисточку вашу и... Вот. Испортила?

А в глазах-то ни испуга, ни виноватости. Понимает, что ничего не испортила. Наоборот. Пришла, увидела и победила. Её лазурная акварель в сочетании с хромовской гуашевой смесью дала тот самый нужный и желанный небесный цвет. Две краски взаимопроникли, согрели, оживили и облагородили друг друга. Володя рассмеялся вдруг легко, свободно и счастливо.

— Слушай, — вдруг посерьёзней он и пристально, будто поверх воображаемых очков, глянул на Акварельку. — Тебе никто не говорил, что ты... Ну, гений, к примеру, а? Или... — Володя еле сдерживал рвущийся наружу совсем детский смех. — Или тот самый младенец, чьими устами...

Но, увидев, как удивлённо вытягивается Акварелькино лицо, как складываются в недоуменную трубочку тонкие губы, как делает она испуганный шагжок от него, тут же прыснул, расхохотался, подхватил девчонку на руки, крутанулся с ней пару раз на месте и понёс, не отпуская.

— Пошли. Пошли скорее. Небо рисовать...

И опять метёлкой загуляла по небу лёгкая

тонкая кисточка. И небо оживало, теплело, дышало. Затаённо — через раз — дышала и Акварелька, что было силы вытягивая шею и касаясь щекой Володиного плеча. Она теперь была чем-то вроде талисмана для Хромова — случайно очутилась рядом, принесла краску, подобрала верный цвет... С такой не страшно даже ошибаться. Но всё шло как по маслу. Даже перепады густоты, рождающие на рисунке перистые облака, выходили без особого напряжения: Акварелька, закусив нижнюю губу, старательно пыхтя и переминаясь на корточках с одной ноги на другую, растворяла краску до нужной бледности и опять замороженно прикикала к левому плечу Хромова. Немыслимо было разочаровать её. С натугой, скрипя зубами, долго вырисовывал он сероватые расплывчатые пятна на полях — тени от облаков. Аккуратно подтемняя подоблачную землю, Володя загадочно улыбался. Нет, неспроста. Всё неспроста в этом волшебном деле, если только взяться за него всерьёз.

— Ну, как тебе? — тронул он локтем свою геройскую помощницу.

Та вздрогнула, закрыла рот и, поморгав, оторвала взгляд от рисунка.

— Дышит, — торжественно объявила она. — Теперь — дышит!

В этом скромном маловещественном, вытянутом вдаль пейзаже было теперь много воздуха — чистого, свежего, упругого и чуть колючего. А небо стало точь-в-точь здешним — среднерусским, низким, добрым, благосклонным. И ещё — солнце. В лазурных перепадах неба, в ярких и притемнённых выпуклостях земли, в густой живости теней угадывалось оно так, будто и в самом деле было на рисунке. Теперь и Володе захотелось вдруг, как Акварельке, взять да шагнуть туда, в этот только что созданный мир. Созданный, но ещё не законченный. Недосказанный. Не хватало в нём главной, центральной крепи, которая удерживала бы вокруг себя всё изображённое. Хромов вздохнул.

— Ну, Акварелька... Сейчас самое главное. И трудное.

Девчонка быстро глянула в сторону церкви и, деловито прищурясь, повернула к нему лицо.

— Её? — коротко спросила она.

— Ага... — рассеянно ответил Володя, прикидывая нужный масштаб. Но это было ни к чему. Ошибиться было немислимо. Хватило бы нескольких смелых мазков. Но вот тут-то и начинались закавыки. Для таких мазков нужны были твёрдая рука, уверенность в себе и, наконец, хорошая масляная краска, а не текучая водорастворимая гуашь. Третье отсутствовало напрочь, но первое и второе были худо-бедно достижимы. Хромов уже знал это по себе. Надо только настроиться. Отрешиться от волнений и тревог. Ощутить себя всемогущим.

— Акварелька... Ты слышишь меня, Акварелька? — сквозь сжатые зубы тихо позвал он.

Девчонка вздрогнула, обернулась и вскинула на него глаза. Смелые и преданные.

— Чай с молоком пьёшь? Так, чтоб чаю на доньшке, а молока — целая чашка? Признавайся!

— А... А откуда вы знаете? — растерянно заморгала она.

— Цвет помнишь? Кремовый, чуть темнее топлёного молока? Хорошо помнишь? Вон в баночке титановые белила. В них на кончике кисточки — вон той оранжевой краски. И мешай, мешай, мешай до однородности... Примерно то и получится... Только густо-густо. Чтоб не растекалась!

Лёгкий испуг на лице и в глазах Акварельки сменился вдруг строгой сосредоточенностью, а через миг его сподвижница просияла восхищённой улыбкой.

— Это потому, что солнышко её освещает, да? — чуть прищурясь и склонив голову к коленям, спросила она.

— Го-ло-ва! — по слогам похвалил её Володя и шутливо подкинул хвостик волос на её макушке. — Ну, действуй!

Девчонка завозилась с красками и палитрами. А Хромов с сухой кисточкой в руке примерялся «строить» храм. Предательски дрожала кисть над рисунком. Шумело в висках. Володя встал и, как пианист, встряхивая руками, прошёлся вдоль насыпи.

— Ну, как там? — подойдя, ворохнул он пятачком Акварелькины волосы.

— Вот... — несмело протянула она ему закляксанную палитру. — Пойдёт?

Пробурчав что-то невнятное, Володя сел на прежнее место, усадил рядом, бесцеремонно дёрнув за подол, Акварельку, водрузил на колени рисунок, взял краски на кончик кисточки и нанёс густой пробный мазок. Девчонка тихо, на вдохе вскрикнула, а он застыл, восхищённая улыбка тронула и смягчила его губы и глаза. Это было то!.. то самое! В этой краске виделось и утреннее солнце, и гаснущие тени насквозь им просвеченных ветвей и листьев, и величавая древность двухсотлетней постройки. Всё в ней было. Не хватало самой малости. Хромов вздохнул и утешающе приобнял Акварельку за плечи.

— Что б я делал без тебя, — ласково шепнул он ей в самое ухо. — Нет, я серьёзно. Ты здорово чувствуешь цвет и свет, тебя учить надо. Гляди, как ухватила! Солнце в камне...

— Сами же про чай с молоком говорили! — непонимающе и чуть раздражённо передёрнула плечиками Акварелька. — Только дура не поймёт...

— Знаешь, я думал, это тусклее. Холоднее. Как... Ну, простыня под солнцем. А у тебя вон как вышло, аж жарко! Нет, не простая ты Акварелька, а волшебная! Одна беда...

— Вижу, — перебила она тяжёлым вздохом. — Плывёт...

Мазок на рисунке будто опал, удлинился, набух сочной каплей внизу и грозил стечь на нежную зелень холмов. И яркость стремительно уходила из него.

— Я ещё попробую, — еле слышно проговорила она. — Может, выйдет.

— Туча идёт. Помокнем к чёрту... Воды поменьше бери, слышишь? Чтоб только-только!

— А! — пренебрежительно махнула рукой девчонка, взяла кисть и уткнулась в палитру.

Хромов беззвучно рассмеялся. Нет, без неё он уже не мог представить этого дня. Виделось что-то скучное, холодное и пасмурное, даже мурашки по спине бежали. Сама она как солнышко, Акварелька эта. Вот сидит она на корточках, чуть отвернувшись от него, — не хочет, хитрая, чтоб он видел, свои секреты бережёт — и лишь загорелый острый правый локоток шевелится напряжённо вслед за кистью. То замрёт она, то привстанет, то к самому лицу палитру поднесёт. И кажется уже Володе, что за-

нимает он тут чужое — Акварелькино — место. Её это дело. И она, кажется, что-то такое чувствует. А если так, то ты, Хромов, сегодня молодец. Даже если рисунок не выйдет. У неё выйдет. Целая картина. Благодаря тебе.

— Вот... — тихонько щебетнуло над ухом. — Попробуйте...

Первый мазок лёг легко и послушно. Лёг как впечатался. За ним второй, третий — и вот уже в ложбине меж холмами вырос первый ярус — солнечно-белый четверик с двумя острыми оконцами наверху. Цвет был чуть приглушен — сказалась густота, но это было как раз то, что нужно. Володя боялся остановиться, потерять настроение и образ, и, лишь когда рука онемела в сгибе, облегчённо выдохнул и отложил кисточку. Акварелька сидела вплотную, взволнованно дыша и крепко обняв руками колени, будто зябла.

— Ну, признавайся, егоза, на чём краску замешивала? Ты ж гляди, почти как масло ложится! — искренне восхищался Володя, вставая и потягиваясь. Акварелька тоже поднялась, долго и вопросительно посмотрела ему в глаза и смутилась вдруг. Покраснела даже.

— Сказать? На слюне, — еле слышно, сдавленно ответила она и отвела взгляд.

Володя наклонился, осторожно взял её за плечи и легонько встряхнул. Их глаза встретились. Акварелька не выдержала, прыснула и тихо рассмеялась, блестя крупными свежими зубами. Хромов улыбнулся сначала, но, слыша её заразительное хихиканье, затрясся и расхохотался в ответ. Хохотал больше над собой, прикидывая, на каком часе работы, будь он один, пришла бы ему такая идея. Сравнение выходило абсолютно проигрышным. Так не делают. Так нельзя. И поэтому, Хромов, как художник ты безнадежен. И это вовсе не грустно, оказывается. Смеялись они, заражаясь друг от друга добрым открытым смехом равных, понимающих друг друга людей. И наслаждались им.

А огромная исчерна-синяя туча острым углом, как громадным грозящим пальцем, нависала над насыпью, над самыми головами, и вдали, в тёмном её чреве, что-то угрожающе посверкивало. Солнце засвечивало ещё где-то сбоку, но уже несмело, заискивающе. Потем-

нело, помрачнело уже вдали, исчезли тени, посерела белая колокольня. Стало в мире как-то плоско и холодновато. Акварелька, глянув по сторонам, даже чуть поёжилась.

А Володя, сцепив зубы, уже сидел и вырисовывал второй ярус — вытянутый, устремлённый в небо восьмигранник. Детали здесь были не нужны. Колокольные проёмы достаточно было лишь обозначить. На рисунке было по-прежнему солнечно, и надо было правильно выдержать цвет. Акварелька, пыхтя от усердия и спешки, размешивала два оттенка — «без солнца» и «в начале тени». Ей хватило одних этих слов, чтобы всё понять.

— Готово? Давай! — протянул он руку. — Как есть давай, чего уж теперь... И золото готовь для купола с крестом! Жёлтую с красной...

— Купол? — недоуменно вздёрнула бровки Акварелька. — Зачем? От него ж скелет один торчит. А креста и вовсе нет, неправда у нас выйдет...

— Они должны тут быть. И будут. А, ладно. Мешай, не отвлекайся.

— Ага... Только, по-моему, так лучше. Печальнее. И вернее... — убеждённо поджала губы Акварелька. В груди у Хромова опять защекотало. Но он сделал строгое лицо.

— Вот сама нарисуешь — будет по-твоему. А мне уж позволь. Позволь... — и пронизывающе глянул на неё. Девчонка усмехнулась углом рта, повела плечом со съехавшей бретелькой сарафана.

— И нарисую, — с упрямым нажимом проговорила она и отвернулась к краскам.

Верхушку «восьмерика» Володя покрыл притемнённым суриком, создав полное ощущение ржавой кровли. Тут же из неё «выращена» была тонкая белая «шея» подкупольного барабана. Всё это набрасывалось короткими осторожными мазками тоненькой жёсткой кисточки. Обобщённо. Условно даже. На большее Хромов и не был способен. Он понял, что на рисунке, как и вживую, главное — само присутствие церкви, её строгая и величавая устремлённость к небесным высотам. Потому и тянул её ввысь, пренебрегая мелочами.

— Готово золото? Давай уж, алхимик... Ух ты! А чего так натемнила-то? — удивился Хромов,

принимая из её рук палитру. В самом деле, это было не золото, а, скорее, медь. Перебрала Акварелька коричневой краски. С её-то цветовым чутьём? Нет. Тут неспроста...

— Ну, я подумала... Если уж никак нельзя без купола, то пусть он такой будет. Неяркий. Не надо тут яркого, не смотрится, — будто извиняясь, жалостливо выглянула Акварелька из-за его левого локтя.

— Вот ведь... — негодуя, сквозь сжатые зубы выговорил Хромов и вдруг внезапно остыл, будто пар стравили из него. Она была права. Ярко-золотые сияющие купол и крест сразу бросились бы в глаза, затмив, затенив остальное. Он не увидел этого, а она умудрилась!.. Умудрилась в третий раз спасти рисунок. — Слышь, Акварелька, — обернулся он всем телом и заглянул ей, стоящей, снизу вверх в глаза, — а мы ж с тобой и не познакомились по-людски. Я — Володя. А ты?

Девчонка посерьёзнела вдруг. Потемнели, отражая предгрозовое небо, глаза. Посвежевший ветерок шевелил, сносил на сторону не захваченные резинкой пряди волос и реденькую чёлку на лбу. Одухотворённым, устремлённым, самоотверженным и одновременно печальным показалось Хромову её лицо. Через миг оно было уже другим, не таким интересным, но Володя уже ясно видел карандашный портрет, пригвождённый четырьмя кнопками к планшету. И недослышал ответа.

— ...Так понравилось! Меня так ещё не обзывали, — только и долетело до него.

Но Хромов понял и, дружески подмигнув ей, склонился над рисунком.

А вокруг уже зловещая темень. Вот-вот зашлёпают по щебёнке у насыпи тяжёлые первые капли. Володя встал и, держа рисунок на отлёте, склонил голову и прищурился, как заправский живописец. Пейзаж был светел и воздушен. В нём было тепло и привольно. Только что завершённая колокольня была центром пейзажа, но не смысловым, а зрительным. Подобно булавке с золочёной головкой, она останавливала беглый взгляд. И не верилось Хромову, что это он — своей рукой! — создал такое.

— А? — вопросительно крикнул он. — Ну? Молодцы мы с тобой, Акварелька?

— Ага... — восхищённо отозвалась девчонка, беря рисунок из его рук. — Как в окошко смотришь. С солнышком... Ай! — вскрикнула вдруг и провела ладошкой по затылку. — Капнуло!

Хромов не успел ответить. Увесистая капля прохладно разбилась о его лоб. Он поспешно засунул рисунок под рубашку.

— Ну! Спасибо тебе, Акварелька! Я побежал. Кисти и краски вон в ту котомку соберёшь — и забирай себе. Мне уж ни к чему, а тебе, кажется, надо...

— Мне?! — вытаращила глаза девчонка. — Да это... Это ж целое богатство! Вам жалко будет...

— Жалко будет, если не отдам. Ну, бывай! — взял её за обе руки, встряхнул энергично.

— А давайте... Давайте вы ещё придёте, — так же смущаясь, то взглядывая, то отводя глаза, проговорила она. — Нарисуем ещё что-нибудь, а? С вами хорошо... А рисунок мне оставьте. А то у вас промокнет. А я завтра принесу!

— Не могу, — нахмурился Володя. — Тут... показать надо. Кое-кому... Покажу — и тебе отдам. Насовсем.

Ну, не говорить же ей, что матери показать хочет. Пусть подумает что-нибудь романтическое. Встряхнул ещё раз девчонкины руки, подмигнул ей, строгой и серьёзной, и стремглав понёсся вдоль насыпи, вздрагивая от частых шлепков дождевых капель. Он не оборачивался, нет, но был уверен почему-то, что она глядит ему вслед беспокойно и вопросительно.

Дождь не пощадил. Он косо хлестал, взрывал фонтанчики пыли на дороге, яростно пузырился в лужах. Рубашка вмиг намочила, набрякла и прилипла к телу. Брюки отяжелели и сковали ноги. В почерневших туфлях хлопало, чвякало и холодило. Бежать так — согнувшись — было очень неудобно, казалось, вот-вот втреснешься сейчас башкой в столб, в забор, а то, чего доброго, забодаешь кого-нибудь с разгона. Но делать было нечего. Очень уж хотелось спасти рисунок.

Дыхание заходило, как от прыжка в холодную воду. Но он бежал. Бежал что было сил. Вот уже кривые, сплошь в бурлящих лужах, улочки городской окраины с чёрными мокрыми и мрачными колодезными журав-

лями, зябко и молитвенно уставленными в небо. А вот и мост. Через речку, вниз, а там считай уже дома...

Но почему тяжело намокшая серая рубашка поголубела вдруг на животе? И прозелень непонятная у груди... Что это?

Володя остановился, выпрямился. Неуверенными движениями, словно боясь, что сбудутся худшие опасения, осторожно распахнул на груди рубашку и медленно, тягуче, как горчичник, отлепил листок с рисунком от груди. Ёлки-палки... А он-то надеялся, что только края размоет! С листка ухарски глядело на него умопомрачительное сине-жёлто-зелёное месиво, похожее на «каля-маля» трёхлетнего ребёнка, дорвавшегося до красок, — глядело и растекалось тут же, размывалось, бледнело, теряло пристальность и задор. И вот уже лишь лёгкий беспомощный упрёк виделся Володе на распадающемся в руках листке. Он вздохнул и тряхнул рукой, как сбрасывают брызги. Листок, порвавшись наискось, тяжело шлёпнулся в лужу, и по нему глухо затукали частые капли. Володя долго и тупо поглядел на него, словно не веря ещё в случившееся, и медленно, еле переступая, пошёл домой. Но с каждым шагом выпрямлялась спина, поднималась голова и упрямо подставлялось под хле-

щущий дождь широкое курносое лицо в юношеской щетине. Улыбка, что брезжила сначала несмело, сквозь досаду, выплыла и засияла во всю ширь. Что ж, судьба. Жалко, конечно. Акварелька, наверное, до слёз расстроится. Но ничего. Они с ней ещё лучше нарисуют. Они теперь знают как. Они опытные.

А мама поймёт. Она и так поверит. А себе он всё сегодня доказал. Сполна. И это главное.

И уже вприпрыжку, широко размахивая руками, хлопнул он калиткой и побежал к крыльцу. С навеса из желоба крутой струёй падала в кадку вода. Володя скинул рубашку и долго полоскался над кадкой, смывая с груди и живота разноцветные потёки.

Он не был художником. Никогда не мечтал о живописи. Он поступал в медицинский институт.

□

Александр Владимирович КОЗИН

родился в 1971 году

в Павловском Посаде Московской области.

Окончил филологический факультет

Орехово-Зуевского пединститута.

Пишет прозу.

Публиковался в журналах «Север», «Подъём», «Дон»,

«Сибирские огни», «Сибирь», «Наш современник»,

«Молодая гвардия», «Москва».

На данный момент работает редактором оперативной информации на одном из московских телеканалов.

